

И.С. Хугаев

Ирлан Сергеевич Хугаев

Владикавказский научный центр Российской академии наук, Комплексный научно-исследовательский отдел, ведущий научный сотрудник, доктор филологических наук, e-mail: shmiksel@gambler.ru.

Опыт популярной хрестоматии осетинской малой прозы: Арсен Коцоев. «Пятнадцать лет»**Irlan S. Khugaev**

Dr., Sci., Leading Researcher, CRI VSC RAS

The experience of the popular anthology of Ossetian short prose: Arsen Kotsoyev. «Fifteen years»

Каких бы высот ни достигла та или иная литература, как бы широка и богата ни стала она тематически, — у нее всегда будут свои идейные приоритеты, свои типичные темы, сюжеты и образы. Эти характерные для литературы феномены образуют ее своего рода семантическое (смысловое) ядро, без которой она немислима как явление национального духа и национальной культуры.

Такова тема кровной мести — одна из самых популярных тем в литературах горских народов, имеющая для них хрестоматийное значение: в ней ярко и узнаваемо выражается кавказский тип культуры. Обычай кровомщения можно считать своего рода визитной карточкой патриархальной горской жизни. Не случайно и русская, и, шире, европейская литература всегда питали к ней такой интерес. Это типологическая черта бытия Кавказа, которая в такой же степени может быть отнесена разве к Корсике и Сицилии.

Нет слов, обычай этот жесток и кажется крайне противоречащим здравому смыслу, не говоря уже о гуманизме. Но я попробую указать тот его парадоксальный смысл, который сам по себе не менее интересен и содержателен, чем некоторые из его популярных остроумных воплощений в литературе. Больше того: без учета этой стороны явления вряд ли могут быть глубоко поняты и оценены его художественные трактовки.

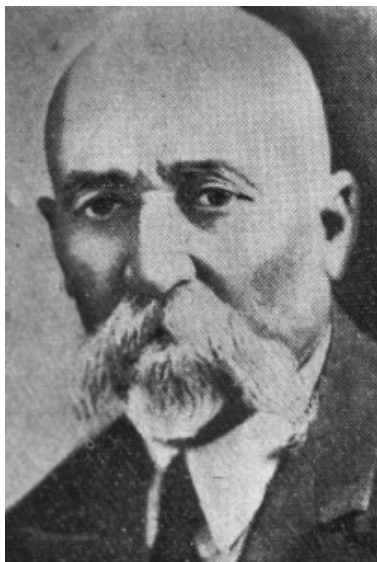
Вопреки господствующим стереотипам следует отметить и положительное значение обычая кровной мести в жизни северокавказских горцев. «Все действительное — разумно», — сказал Гегель: это относится и к народным обычаям. В традициях никогда не удержится то, что бессмысленно и непродуктивно для самосохранения культуры, народа и человека. Обычай кровной мести, коль скоро он существовал в преобладающих условиях права сильного, тоже служил хотя и минимальной, но гарантией жизни и неприкосновенности человека. Он не только не уменьшал и сводил на нет ценность отдельно взятой человеческой жизни, но, напротив, многократно поднимая ответственность за пролитую раз кровь, делал ее значительно выше, чем принято думать. Убивая, горец подвергал реальной опасности всю свою фамилию, включая дальних родственников; такие сознаваемые и неотвратимые

последствия убийства сохранили гораздо больше жизней, чем их было загублено в кровавых вендеттах. Кровная месть, в глазах патриархального горца, есть не право, а обязанность, и не преступление, а неотвратимое наказание; говорить, что она была исключительно пагубна — почти то же самое, как если бы мы утверждали, что для современного общества вреден уголовный кодекс.

Пожалуй, только Коста Хетагуров косвенно указал сущность этого явления, сформулировав коренной нравственный и правовой принцип патриархального, догосударственного периода жизни осетин: «Убить и умереть для осетина... были синонимы; убивая сегодня, он знал, что сам также будет убит, если не завтра, то послезавтра или через неделю. Прежде чем оплакивать убитого, осетины оплакивают убийцу» («Особа»). Интересно, что другие просветители Северного Кавказа обходят это обстоятельство. Это происходит, возможно, из чисто просветительского духа ранней горской литературы, которой было важно, не отвлекаясь на анализ, изблечить и изжить традиции прошлого, расходящиеся с требованиями государственности и государства, одно из которых тоже гласит: «Мне отмщение, и аз воздам».

Для осетинской литературы тема кровной мести не менее характерна, чем для других горских литератур, но, очевидно, она имеет у осетин свое самобытное наполнение, тяготеющее к гуманистическим (в том числе и в христианском смысле) идеалам. Она обладает всеми необходимыми возможностями для полного и яркого выражения национального характера и мировоззрения во всей их сложности и полноте, а не только, как упорно думают некоторые, в смысле суровости и жестокости. Вряд ли я ошибусь, если предположу, что в нашей литературе кровников прощают чаще, чем в других.

Сегодня, впрочем, вы не увидите прощения. Нечто совсем другое. Небольшой рассказ Арсена Борисовича (Бицоевича) Коцоева (1872–1944) «Пятнадцать лет» (1901) — одно из самых глубоких по идее произведений не только осетинской, но всех северокавказских литератур. При этом здесь нет никаких философских рассуждений; философия заключается здесь в самом сюжете, непосредственно в событии, в развязке, неожиданной, но неотвратимой, как сама судьба.

А.Б. Коцоев

Пятнадцать лет

(пер. Ф. Гагуевой)

На отлете села стояла мельница Кавдына Долойти. Несмотря на то, что в селе мельниц было много, люди все-таки предпочитали свой урожай возить к Кавдыну: там зерно не крали, там работу выполняли в срок и за помол брали умеренную плату.

Кавдын засел на мельнице, когда ему было двадцать пять лет. С тех пор он перестал ходить на танцы, не посещал нихас – держал себя так, будто дал обет никого из людей не видеть. После работы, когда поблизости никого не было, выйдет Кавдын – свесив голову, руки за спину – и взад-вперед по берегу бродит. Или в лунную ночь сядет на бревно у входа на мельницу и сидит часами не двигаясь. И если даже заговорят с ним о чем-нибудь постороннем, отвернется Кавдын и молчит.

Что сделалось с Кавдыном? В каком горе тает его мозг, от каких дум горит его сердце?

Пятнадцать лет назад Кавдын был красивым парнем, считался на селе одним из лучших танцоров. Полный силы, верный осетинским обычаям, не знал он усталости в работе, всегда первым скакал по тревоге.

Пятнадцать лет назад, в светлый день Уацилла (Уацилла – мифическое божество грозы и хлебных злаков), на поляне за селом устроили танцы. И вот девушка, шедшая с Кавдыном в паре, неожиданно вырвала свою руку из-под локтя Кавдына и, не оглядываясь, быстро, через весь танцевальный круг, побежала в село. Те, кто заметил это, удивились.

– Может быть, ты что-нибудь сказал ей? Может быть, не так тронул ее? – спросил Кавдына приятель.

Кавдын сердито ответил:

– Зачем спрашиваешь? Таким бесстыдным меня ведь ты никогда не знал.

На другой день с утра прошли по селу слухи: вчера, после полуночи, Долойти Кавдын ходил проведать табун. Когда он возвращался обратно, то из-за стога вдруг выскочили сыновья Анкала Цорати и бросились на Кавдына. Кавдын за оружие не успел схватиться.

– Что вы задумали, Цорати!.. Что я вам сделал? – спокойно спросил их Кавдын.

Цорати ничего не ответили.

– Свалить его надо! – крикнул старший из братьев.

Долго боролся Кавдын, но четыре брата оказались сильнее – свалили.

– Держите его теперь крепко, – приказал старший брат Годах.

Увидев в Годаховой руке обнаженный кинжал, Кавдын замотал головой, но младший Цорати придержал его, а Годах отсек кинжалом левое ухо Кавдына...

– Большие беды будут, – говорили в селе. – Кавдын это так не оставит.

Но Кавдын, вместо того чтобы смыть позор, засел на мельнице.

– Для виду притих, – говорили одни.

– Жестоко отомстит Кавдын за свою кровь, – утверждали другие.

В селе со дня на день ждали: придет беда!

Но шли дни за днями, шли месяцы, годы, – казалось, что у Кавдына и мысли не было мстить. Тогда начали заглядывать к нему на мельницу прежние друзья, спрашивали:

– Смерть лучше позорной жизни. Почему ты не мстишь за свою кровь?

Кавдын рад был друзьям, но про мщение не позволял говорить. И друзья махнули на него. Ходили к нему его сестры и старая мать, укоряли:

– Смеются люди, говорят: «Пропал Кавдын, сел на место позора». Нам из дверей высунуться нельзя... Почему ты ничего не сделаешь, чтобы имя свое очистить?..

На шестнадцатом году, в дни сенокоса, кто-то из сельчан увидел в одно прекрасное утро: Кавдын на арбе, в арбе – коса и вилы.

– Куда двинулся этот меченый? – улыбались все. – В мельнице сидеть не по сердцу! На полевую работу переходит вроде...

Поднимается солнце. Лучи его плетут свою паутину от холма к холму, от дерева к дереву. Слышна где-то песня... Как не петь, как не радоваться! Но вдруг раздаётся крик:

– Эй, Батраз, сын Годах! Иди сюда! Должны мы друг другу! Иди, посчитаемся!

В стороне от дороги, в тени дерева, стоит запряженная арба. Лошадь, вытягивая шею, пощипывает росистую траву. В арбе лежат коса и вилы. Рядом с арбой, на холмике, сорокалетний мужчина – войлочная шляпа приподнята, открывая шрам вместо уха, на поясе кинжал, на правом плече винтовка, во рту трубка – и по временам пускает густые клубы дыма.

Никто ему не ответил. Тогда он вынул трубку из рта, опять крикнул:

– Эй, Батраз, сын героя Годах! Я тебе кричу! Наши долги посчитать надо! Иди сюда!

Долго ответа не было, по потом услышал кричавший:

– Что делаешь, Кавдын? Зачем беду ищешь? Лучше бы оставил задуманное.

Это у стога говорил двадцатилетний Батраз. Длинные вилами он бросал сено десятилетнему брату.

– Сын Годах! – крикнул опять Кавдын. – Я сюда с тобой не разговаривать пришел!.. Если есть у тебя хоть немного отцовской крови, иди, не то я сам к тебе приду.

Батраз пошел к Кавдыну.

– Иду, Кавдын, но, кроме кинжала, у меня ничего нет.

– Иди! Я тоже кинжалом драться буду!

Поднялся на холм Кавдын и бросил винтовку на землю.

Батраз приближается, Кавдын идет ему навстречу. Тихо подходит, говорит тихо:

– Пятнадцать лет была у меня на сердце одна радость: ты таким красивым, сильным и храбрым рос. Ничтожного человека к чему убивать?.. Этим свою мсть не освободил бы. Пятнадцать лет я ждал, пока ты вырастешь... Теперь подошло это время...

Они обнажили кинжалы...

Батраз понимал, что он вышел на смертный бой, и жизнь свою дешево отдавать не хотел. Кавдын же таил в сердце погибшую жизнь. Перед глазами вставал его старый враг – Годах.

Недолго тянулся бой. Враги вместе ударили. Батраз целился в живот, но кинжал упал и воткнулся в землю. Кавдын так рассек Батразу правую руку, что она повисла.

– Потихоньку убиваю тебя, Батраз, – сказал Кавдын.

Едва лишь Батраз схватил кинжал левой рукой – по левой руке получил удар. Она тоже повисла. Юношеская сила и ловкость не пропали еще у Кавдына. Он махнул кинжалом над левой скулой Батраза – ухо упало на зеленую траву. Тогда застонал Батраз. Вновь стиснул он правой рукой кинжал, но уже ослаб – чуть царапнул только Кавдына. Кавдын кольнул – острие кинжала выскочило из спины Батраза. Упал Батраз, перевернулся в глубокой нескошенной траве, – и Кавдын отсек голову юноши и положил ее на его грудь.

Точно от рубки леса устал, – отдохнуть решил Кавдын: присел на холмик, набил трубку, закурил. Дым выпускает и о своей жизни думает. Дни – с тех пор как себя помнит – словно листья перед ним кружатся. Поздно вставал, когда маленький был... Солнце уже высоко взойдет... Выходил, протирая глаза... «Умойся, я дам тебе теплого молока», – скажет, бывало, мать. В теплое молоко кукурузный чурек крошит. Как тогда вкусно казалось... Вдруг детские голоса доносятся – бежишь на улицу, оставив чашку. Как хороши были праздники урожая. Обходят дома молодые ребята, собирают в мешки подношения хозяев, несут в поле, пируют там. Как будто большие, по старшинству рассаживались. Тосты говорили. Песни пели. Когда подрос, на работу начал бегать. «Кавдын сильный мальчик». Как приятно слышать было.

Курит, дым пускает Кавдын. О пройденных шагах жизни думает. Или в ночном... Боролся с товарищами... Никогда внизу не был. Ни одного мальчика не оставил непобежденным... Веселое время... А на танцах... Любили девушки с ним танцевать. На его предложение ни одна девушка не ответила бы отказом.

Задумался Кавдын – все вспомнил. Танцы... Встречивание лошадей... Музыка... Девушка Цорати... Отрезанное ухо...

Посмотрел Кавдын на убитого.

– Это что такое? Где я? – спросил он и точно проснулся, протер глаза. – Пятнадцать лет, лучшие дни жизни похоронил я!. Пятнадцать лет мечтал, жаждал этого дня... Что же теперь я буду делать? Нужна ли кому-нибудь моя жизнь?

Как красивы, как радостны бывают наши горские поля после сенокоса! У каждого человека легко ста-

новится на сердце. Но почему это кто-то плачет? Маленький мальчик плачет – горюет. Смотрит на убитого брата, смотрит на убийцу, топчется на верхушке стога. Если было б оружие, если б в руках сила была! Спрыгнул бы, изрубил бы на куски убийцу брата. Но знает, что мал он; знает, что сил не хватает.

– Эй, мальчик, слазь, иди сюда! – позвал Кавдын.

«Теперь меня убьет», – подумал мальчик, крепко прижался к стогу, громче зарыдал.

Кавдын понял, что мальчик испугался.

– Нет, мальчик, иди сюда. Не бойся, ничего тебе не сделаю.

Мальчик не верил Кавдыну. И Кавдын поднял винтовку:

– Иди по-хорошему – ничего не сделаю. Если не придешь – я тебя из винтовки пристрелю.

Мальчик медленно сошел со стога и пошел к Кавдыну, иногда останавливаясь в нерешительности.

– Иди, иди! Не бойся, я тебе говорю, – подбадривал Кавдын мягко и ласково.

Но мальчик, увидев близко тело брата, опять заплакал. Кавдын подошел к нему:

– Мальчик, перестань плакать. Ведь твой отец – Годах – сильный был человек, а ты его сын... Зачем ты, как девушка, плачешь?... Я убил твоего брата... Возьми винтовку и бей в меня.

Мальчик не верил Кавдыну, плакал громче. Кавдын взмахнул винтовкой и сказал:

– Умеешь стрелять из винтовки?... Тогда я научу тебя... Никогда не стрелял? Надо так... Вот я зарядил ее... Теперь, если этот железный хвостик потянешь к себе, винтовка выстрелит.

Кавдын прикладом протянул винтовку мальчику.

– Держи... Приклад поставь на правое плечо, а дуло – мне в грудь, и выстрели.

Мальчик стоял смиренно, не брал винтовку, не верил Кавдыну.

– Стыдись! Твой отец Годах в твои годы на охоту ходил, а ты из винтовки стрелять не умеешь.

В глазах у мальчика сверкнули искры. Секунду он постоял, как бы готовясь к прыжку, потом быстро схватил тяжелую винтовку, словно в ней не было веса, и спустил курок.

Один раз мотнул руками Кавдын и упал навзничь. Испугавшись выстрела, птицы перепорхнули на дальние деревья. Каркая, низко-низко над убитыми полетели вороны и присели на холмик – посмотреть, не обманывают ли мертвые, не шевельнутся ли...

Резюме

Один умный человек говорил мне в частной беседе: «Пятнадцать лет» Арсена Коцюева – это осетинская версия «Преступления и наказания» Федора Достоевского. Кавдын, как и Раскольников, представляет собой идеологического убийцу. Он ведь тоже не просто убивает: он тщательно обдумывает будущее убийство, подводит под него свою философию. Но отличие в том, что раскаяние и добровольно принимаемое наказание здесь следуют непосредственно за преступлением. Раскольников долго мучился, прежде чем сознательно принять возмездие, а Кавдыну хватило минуты, чтобы осознать и решиться. Чего он тем самым достиг? – он положил конец череде убийств, он, так сказать, убил кровную месть. Здесь очень важно и то, что Кавдын не смог переступить через пресловутую «слезу ребенка» (тоже образ Достоевского – И.Х.). Эта «слеза ребенка» оказывается некой абсолютной, безусловной величиной, последней границей на пути зла, и эту границу почерневшая от жажды мести душа Кавдына не смогла перешагнуть и потому обрела просветление».